

18+

Надо жить Человеком!

Надо жить Человеком!

(Жизнь в – рассказы – в жизнь)

Павел Отставнов

Павел Отставнов

Надо жить Человеком!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57339213

ISBN 9785005128478

Аннотация

Рассказ (короткий, классический) должен быть, как удар ножа...Раз – и через Сердце в Душу читателя!И как после этого жить?А надо отбросить лень, боль, страх и счастливо жить Человеком: добрым, сильным, справедливым, ярко-смелым и талантливым!Надо жить Человеком!

Содержание

Надо жить!	5
Приход спасителя	8
Жизни нашей ручеёк!	11
Чудо-Солнышко!	14
Годов, Вам, Новых, старики родные!	16
«Сам погибай, а товарища выручай!»	19
СИЛА (Запись в сердце)!	20
Новогодняя сказка про тёеньку и дяденьку	25
«Придурок»	33
Похороны любви	38
«Отношения»	42
Последние «права»?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Надо жить Человеком!

Павел Отставнов

© Павел Отставнов, 2020

ISBN 978-5-0051-2847-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Надо жить!

Болезнь нахлынула, как цунами-катастрофа.

Смеялся-улыбался, не ходил – летал, всё бурлило и радовало...

И вдруг – вокруг тяжело давящая плотная пустота из страха, боли и предвкусия смерти...

Оглушенного, бездумного и распятого на больничной койке, его кололи, совещались, стоя вокруг. Затем куда-то привезли, приложили маску и...

И он очнулся уже в реанимации.

Потянулись одинаково тухлые дни в палате. Под обезболивающими ни страха, ни боли не было, но голова пустела тишиной безразличия ко всему.

Когда его выписывал знакомый хирург, сказал:

– Ну, теперь всё в твоих руках. Захочешь жить – выкарабкаешься!

Но и дома к вкусу жизни интерес не возник: всё-всё-всё уже было – не хочу.

Лежал на диване, смотрел в потолок, дремал... Жевал, что жена впихивала...

В одно утро очнулся от настырно-раздражающего звука: «Кап-кап-кап!»

Неожиданно всколыхнула и подняла на ноги волна злости: «Жена кран не закрыла?»

Вслушался, пригляделся – звук был из-за окна, капало на подоконник. И из окна, сквозь щель в плотных шторах, бил настырный луч света.

Он подошел к окну, хотел задернуть, но, наоборот, распахнул шторы и обомлел!

Свет! Везде был свет! Яркий, бодрый и наглый! Бесцеремонно, без спроса и беспощадно свет бил по земле, по деревьям, по людям... Ударило и по больному и потянуло к себе.

Он распахнул дверь, вышел на балкон, вздохнул и выдохнул свежим ветерком:

– Боже, весна пришла!

Всё оживало, всё тянулось к доброму свету: зелень листочков и травки, «зайчики» в лужах, ручейки на взлёте... Дворовые собачки развалились, выставив пузки под ласковое тепло... Соседская, вчера еще девчонка, о, чудо, гордо шла с коляской.

Увидев его, она замахала руками и радостно закричала:

– Дядя Ваня – выздоровел! Ура!

Он распрямылся, махнул в ответ и вдруг вспомнил, как сын, перед операцией, взволнованно кричал в трубку:

– Батя, твой внук пошел! Пошел, батя! Не уходи, ты нам нужен, батя!!!

– Ваня, ты чего, Ванечка? – раздался испуганный голос жены, и она выскочила, как была в халате, к нему.

Он обнял её и сказал твердо, как всегда:

– Надо жить, Иринка. **Надо жить!**

Приход спасителя

Засыпая вечером, спроси себя: «А был ли сегодня во мне Бог?»

Он проснулся, как всегда, рано.

Встал и начал зарядкой собирать всё снулое-отлежалое, слегшееся – в единое и двигающееся.

Затем, по дороге в ванную, осторожно обошел собачку.

«Дворянке», по человеческим нормам, было намного больше лет, чем ему. Посему она только приоткрыла глаза и вздохнула, типа: «Ах, молодой человек, всё пройдет... И ты проходи, только не наступи, дай еще поспать...»

Мно-о-ого лет назад, по весне, они нашли щенка-девочку на улице. Так и назвали: «Весна». Так и жили вместе по-весеннему!

Когда допивал кофе, вошла на кухню «вторая половина». Ну, как «половина», если как два «он целый», сухой, как лист осенний?

– Опять по своим девкам пойдешь? – усмехнулась жена. – Ниночке скажи, что вечером поможем помыться.

Он щелкнул, по-молодецки-офицерски, каблуками:

– Окей-хоккей, моя Прекрасная Дряхлость!

– Что-о-о-о! Да я ж тебя на год младше, старикашка! Крупу не забудь – птичкам подсыпь. И в магазине корм собаке

купить, закончился!

– Яволь, мой женАраль-ораль!

В подъезде зашел к соседке-старушке:

– Мадам, я весь Ваш... Аж, на полчаса!

Быстро починил шпингалет на балконной двери, взял список в магазин, и был таков...

Затем забежал (ну, как «забежал»? Зашел, с остановкой-отдыхом на четвертом этаже), к Нине-инвалиду в соседнем подъезде.

Взял список в аптеку – и на улицу.

Прогулялись с Весной по парку, подсыпал корм в кормушки птицам, затем сходили в магазин и аптеку.

Отдав заказы «девушкам», вернулись домой.

Пообедали и поехали втроем в приют животных, на другой конец города. Весна побегала со знакомыми собачками. Он стал, вместе со столяром, ремонтировать и утеплять вольеры и будки. А она готовила корм и кормила кошек-собак.

Уже вечером, они сразу зашли к Нине. Загрузили её в ванну, жена стала помогать мыться, а он заварил чай.

Затем все, с часок, пили чай и отдыхали от трудового дня.

– Ты, Иваныч, мой спаситель! Мой могучий избавитель! – воскликнула Нина.

«Да! – подумал „могучий“ старик, отец демократии и двух взрослых детей. – Бывшей, учительница русского языка и литературы, не бывает! Чем можем, уважаемая – тем поможем!»

Уже дома, засыпая, он думал: «Завтра, с утра, съезжу в „Дом престарелых“. Звонили тамошние старики знакомые, вроде, директор проворовался. Затем на „Совет ветеранов района“ – доложу, обсудим, меры примем. А сейчас – спать. Спасибо, Бог, за день и силу духа. Всё остальное будем делать... И никто, кроме нас!»

Жизни нашей ручеёк!

– Вставай, Иван. Петушок давно пропел! – пролез, сквозь дрёму, голос жены.

«Ха, а петушок то мой давно отпелся!» – совсем не зло подумал старик, но не спешил вставать.

– Старый, хватит дрыхнуть! Скоро внук придет, а масло закончилось! Как блины ему напеку?

Иван открыл глаза. Да, утро уже всюду било лучами весенне-веселого солнышка, да дергало занавески шальным молодильным ветерком!

«Ох, отмолодили уже и ветерки, и солнышки... Да и молодухи уже не отмолодят! Абзац консенсусу! Но точно говорят: болит – значит, еще жив... А если всё болит, радуйся – всё еще на месте, не отпало!»

Он, кряхтя, поднялся, начал было физзарядку, но мотануло к стене. Старик махнул рукой и пошел умываться.

Только вышел, как раздался сигнал домофона, а затем голос мужчины:

– Мама, привет! Вот, Вовку вам забрасываю, а мы с Ленкой попробуем на лыжах прокатиться. Пока не растаяло окончательно. Привет, отцу!

Через минуту на пороге, явилось-незапылилось явление-племя младое, беспокойное:

– Здра, ба... Хай, дед! Вначале в кино, затем в зоопарк и...

– Ты зайди, вначале, чудо природы. А затем с дедом за подсолнечным сходите!

– Ну, ба-а-а-а!

– Я всё сказала! – усмехнулась «суровая» бабка, и вскоре выпроводила их за дверь с кульком.

Потащились, было, в «магазин», да тут же дорогу, нагло так, перегородил ручеёк.

Устремился блеск серебра по хрустально-ледяным берегам, разбрасывая вокруг лучики, калейдоскопные, отраженного солнца!

Дед остановился, как вкопанный:

– Ба, Вовка! А ты знаешь, что на этом самом ручье: вместе с твоим прадедом я корабль пускал деревянный, а с отцом твоим мы из пенопласта каравеллу гоняли?

– Дедка, а мы? Мы что не будем ничего пускать-гонять?

– Как это «не будем»? Ща!

Они вернулись к скамейке у «хрущевки», и дед быстро сложил из кулька корабль-складенец. А затем взял из мусорной корзины кусок разбитого зеркала, и сказал внуку:

– Сейчас посигналим бабке и пойдем запускать. Я ей, лет шестьдесят назад, такие приветы по весне отправлял!

Лучик-зайчик солнечный запрыгал по потолку кухни на третьем этаже. Прыгал-прыгал, пока не показалась сама бабка. Она пригрозила кулаком им, а затем открыла створку окна и сказала:

– Что стар, что млад... Идите уж быстрее!

– Бабушка! Мы сейчас корабль запускать будем!!! Пойдем с нами!

– Мне что делать нечего, балбесы? А... впрочем... Сейчас выйду, ненормальные!

Если кто, через десять минут, смотрел со стороны, то видел:

– летел, «на всех парусах», Корабль;

– бежал за ним, вприпрыжку, счастливый мальчуган;

– а за ними уже шли, взявшись за руки, пожилые мужчина и женщина...

И журчал, звенел, пел и нёсся неудержимо ручеёк весенний!

А если кто смотрел Сверху, то видел ручеёк вечный, всё-побеждающий ручеёк жизни единой: Природы и Человека, объединённых Богом!

Он всё равно пробьётся, ручеёк нашей Жизни. Как не перегораживайте его, как не забрасывайте его, хоть атомом вашим безумным!

Он пробьётся, и будет весело и радостно бежать: бескрайне-свободно, счастливо-неудержимо, естественно-талантливо!

И будет так всегда!

Чудо-Солнышко!

– «Бог не дал...» Чего врать-то! Бог давал, да мы избавлялись!» – его, аж, передернуло от этих больных мыслей.

Да, «избавлялись» и «предохранялись»... «Аргументы» для самоуспокоения придумывали:

– «Род продолжили сыном – и хватит!»;

– «Надо: и самим расти – карьеру делать, и для себя пожить...»

Пожили...

Но с возрастом, когда ритм жизни успокоился, вдруг, дошло...

«Самый наш большой грех, и уже неисправимый, что девочку не родили!» – терзал мужчину себя, глядя на жену.

А их сын и невестка – те же «яблоки» от «яблонь»!

Тоже – все и всё в себе: научная работа, искусство... «Творчество», короче, превыше всего! Какие дети? Чудом? Не верят сегодня в чудеса...

Но когда, вдруг, ребята чего-то «не учли», где-то «ошиблись», он и жена сразу пришли и решительно заявили:

– Рожайте! Остальное на себя возьмём! Будет как дочка!

И случилось чудо!

И сегодня, первого сентября, это Чудо, держась за руку бабушки, шла уже в первый класс!

«Откуда столько энергии? Вприпрыжку летит, песенку

поет, бабке что-то лепечет, листья подбирает, оборачивается и мне показывает! – удивлялся дед-ученый. – И вот что точно непостижимо – чем больше мы вкладываем сил и тепла в неё, тем больше к нам возвращается! Полное ниспровержение закона сохранения энергии!»

– Слышь, «бабка-старуха», так и будешь до свадьбы за ручку дочку-солнышко водить? – подтрунил он.

– И буду! – ответила счастливая молодая «бабка». – Дожить только нам надо!

– Не будем, милая, сейчас лукавить... И до правнуков мы хотим дожить – прошептал он. – И доживем до нового Чуда. Обязательно!

Годов, Вам, Новых, старики родные!

Пять лет они не виделись! Но, наконец: Александр, его жена – Елена, и детки – Иринка и Серёжка, вырвались к его родителям.

Радостно обнялись, огляделись и он подумал: «Блин, постарели как! И худые какие! Болеют? Ну, ничего, Новый Год же: отдохнем, поспразднуем, повеселимся... Оживут!»

День промелькнул за предпраздничной подготовкой: и елку поставили, и комнату всю «обмишурили» -раскрасили, а стол... О, стол заставили всем вкуснейшим, пальчики-облиза-красивейшим!

«Шампань», тосты, воспоминания веселые, шутки, смех – так и промелькнули счастливые часы, счастливых людей.

А когда отбили куранты двенадцать ударов, старики загадочно удалились в другую комнату. Затем вернулись возбужденно-счастливые и стали одаривать всех подарками!

Александр вытаращил, от удивления, глаза! Даже грубый подсчет стоимости этих, таких дорогих, подарков поразил!

«Откуда деньги-то взяли?» – подумал мужчина.

И тут, вдруг, до него дошло! И ясно он вспомнил и их сиротливо-пустой холодильник, который они с женой заполняли продуктами, и... И удобу родителей...

Копили! Вот как обговорили, два месяца назад, приезд к ним, так они и копили деньги на подарки! Ничего не ели, ё-маё, и копили, складывая всю пенсию!!!

Ком подкатил к горлу, а влага к глазам...

Он вскочил, буркнул «покурю», и бросился на балкон. Трясущимися руками, попытался прикурить, но сигарета не удержалась в руке...

«Что ж я тварь за такая? Ведь это они, эти Люди, меня воспитали... В Любви, в искренности и в самопожертвовании... А я? В отпуск – Турция, Египет, Европа... Только не к ним... Ах, да, звоню, аж-ж-ж, каждую субботу:

– Ну, как вы? Нормально? И у нас всё нормально!»

«Это, Саш, „нормально“? – вновь зарезали жесткие мысли. – Это, Саша, „благодарность“ и „забота“ твоя? А я же, свинья-свинская, их люблю... Да, я только сейчас понял, как я их, этих стариканов моих, люблю!»

Мама выскочила, вслед, на балкон:

– Сашенька, сыночек, тебе плохо?

– Нет, что ты, не волнуйся только! Пойдем, мамуля, за стол. Праздновать будем, мы же вместе!

...Пять дней пролетели, как снегири в солнечный, зимний, но не ледяной день: яркие, пунцово-здоровые и весело-игриво-суетливые!

Бабушка и дедушка водили внуков на елки, в цирк-кино и на новогодние утренники.

А родители: и отдыхали; и «уставали» вдвоем, как рань-

ше, как молодые, и...

И серьёзно поговорили, наедине, как уже старшие и самые взрослые...

И когда, уезжая, положили на стол «денежку», Александр сказал:

– Папа и мама, мы не миллионеры, но вы меня так воспитали: когда трудно – трудно одинаково всем, но и праздник – один на всех! Мы с Леной решили, что будем и вам и её родителям помогать. Ничего, молодые: вытянем, выдержим, но никто голодать не будет!

Елена обняла стариков и добавила:

– А весной, когда отпуск будет, всех родителей соберем у нас. В тесноте? Да. Но не в обиде!

Серёжка и Иринка тоже подскочили и затрещали:

– А в Новый Год опять у вас! Ура!!!

Где бы Они ни были сейчас: в своём одиноком доме, или, увы, уже на Том Свете... Вспомните, поклонитесь, согрейте!

«Сам погибай, а товарища выручай!»

На неделе был в автосервисе. Машину ремонтировали, а я сидел в подсобке и разговаривал с Сергеем.

Давно его знаю: он был руководителем здесь, затем беда случилась – инсульт. Теперь одна рука не работает, а ногу подволакивает. Но в инвалидах, обузой не захотел быть: в Интернете детали ищет, всё снабжение и общий учет ведет...

Не сдался – уважаю, но...

Но, друзья, он, всё же, меня поразил!

– Участок купил, дом строю... – говорит.

Я:

– Сергей, зачем тебе всё это сейчас? Места в квартире не хватает? Проблем мало со здоровьем?

Он:

– Да не себе... Собакам... Понимаешь, не могу мимо брошенной пройти... Много их уже у нас... Квартира не маленькая, но... Им же побегать надо, да и еще много по улицам других беспризорят... Приют хочу создать. Жалко бедолаг!

Сидел я и просто смотрел на этого Человека. Человека!

Пусть Бог даст, люди позволят и его мечта осуществится!

СИЛА (Запись в сердце)!

Собачка лаяла, повизгивала и подпрыгивала, пытаясь лизнуть долгожданного хозяина.

Уставший, после работы, мужчина, все ж, улыбнулся:

– В чём, СИЛА, наша сила? В Любви! Только после Вас, сударыня.

И он повел на прогулку свою собаку, которую звал «СИЛА». Назвал по давней записи в телефоне: «Сергей Игоревич Любимов». Или, как было в жизни: Светлана Игоревна Любимова. Или, как была запись в сердце: **Любовь!**

А раньше много их было, в том телефонном списке: «Иван Иванович» (Инна Ивановна), «Максим Петрович» (Мария Петровна) и т. д. и т.п...

Шифровал? Да, от жены. Но, не потому что боялся... А зачем ей знать? Тоже начнет своё афишировать. Будет неприятно всем. А так, в тишине «договорного матча», сосуществовали, «тихушники». У каждого – своя комната-ниша! И у дочери – своя... Но дочь-то общая. И любимая «двумя сторонами договора»! Не бросишь...

Так и тянулось-мчалось: «мирное сосуществование», и...

И пиратские «абордажи», когда «захваченная яхта», похозяйски, командовала ему:

– Ты, милый, кончай болтать... Времени не много. Иди ко мне!

«Шифрозаписи» в телефоне прибавлялись... А в сердце? Увы...

И, когда на областном совещании впервые увидел Её, он удивился. Да – красивая, умная, серьезно-строгая... Долго перечислять ярко-броское, а коротко: «Не такая, какая-то!»

В обед, нагло подсел за её столик, и, как всегда, бросился на «завоевание»:

– Вот смотрю-смотрю, но понять не могу, чем вы от других отличаетесь? Подскажите?

– Вы меня извините, но что ж это за «женщины», если соглашаются списком проходить?

И она пересела за другой столик.

– Это кто? – спросил у знакомого из её городка.

– А-а-а, тоже зацепила! Не облизывайся. «Лед» в семейно-рабочей обстановке: муж, двое детей, и на работе – только работа. Но Специалист классный, именно так: с большой буквы, и без привязки к полу!

«Зацепила? – думал он. – Да! И что ж я, дурак, так сопливо-глупо полез? И что ж делать теперь? Тупик!»

Но жизнь помогла! В её городке его фирма выиграла конкурс и стала возводить объект. Курировала работы Она: Светлана Игоревна Любимова.

Спорили, даже ругались, но находили правильные и важные решения. И, через заслуженное взаимное уважение, пришли к... Любви! И, очевидно, тоже взаимной.

Он ёрзал-ёрзал, не решаясь, но все ж признался. И горячо

предложил всё прошлое бросить и начать новое вместе!

– Что ты, а наши дети? – так же горячо воскликнула она. – Но и без тебя уже не могу!

«Встречались»? Ну, да... «Отношения»? Ну, да... «Как все»? ... И, «как у многих»?...

А не было им дела до «как у всех»!

Тогда они заполнили своей Любовью все пустоты, все трещины в их жизнях! И впервые в их жизни возникло что-то единое, цельное, полное и осново-опорное!

А он первый раз ощутил-почувствовал, что это такое: Любовь к женщине, и Любовь женщины к мужчине...

И только много позднее он стал сводить ВСЁ-ВСЁ, уже пережитое, в одну вечно-незавершенную формулу:

Любовь Мужчины и Женщины – это когда чудесно сотворили НЕЧТО необъяснимо-неразделимо-неуничижимое словами, Что даже смерть не разделяет, не стирает...

Созванивались-сообщались, как плечо друг другу подставляли, ежедневно. Все десять лет!

Но, как-то, нелегкая унесла его в командировку. Звонил, а затем уже вызванивал каждый день... Не отвечала!

Не выдержал и набрал своего заместителя, попросил выяснить... Он позвонил через час:

– Трагедия, Петрович, тромб сорвался... Пять минут – и нет хорошего человека! Похоронили уже...

Он всё бросил, и утром был у её могилы. Подкосились

ноги, и мужчина упал прямо в мокрую глину...

Вернулся ночью домой, в грязи, ошарашенный и дикий...

Жена оглядела с ног до головы, усмехнулась:

– О, как мы можем, оказывается... Костюм от «ARMANI» – на выброс!

Он без слов развернулся, сбегал в магазин, пришел и...

И «ушел» на месяц в... «туман» запоя!

Темнота... очухиваюсь... встаю... бреду по пусто-ночно-му городу... магазин... «Нельзя, мужчина, меня оштрафуют»... «Девушка, пожалуйста, горю! В пакете дайте, никто не увидит!»... Иду и пью... падаю... сплю... встаю... иду... прошу... иду, пью... «Бомж, проклятый, меня не жалко, хоть дочь пожалея!!!»... «Петрович, вся фирма «встала», заканчивай!!! Садимся в машину, и к наркологу!»... Встаю... иду... магазин... иду, пью...

– Ты кого притащил? Совсем сбрендил?

Он открыл глаза, жена зло машет руками, а рядом сидит... собачка.

Увидела, что он открыл глаза, встала передними лапками на диван и завиляла хвостом.

И он вспомнил: *ночь... детская площадка... бутылка... он закусывает чипсами и кормит собаку...*

– Иди, выгуливай, а то нагадит в квартире!

Мужчина, кряхтя, встал, собрался...

Подошла дочь:

– Папа, я с вами...

Молча, побродили по парку, собака сделала свои дела...

Опять молчание, пауза...

– Папа, пойдем домой. Её покормить надо.

«Куда: магазин, или домой?»

– Ты дочь, иди, покорми нашу собаку... СИЛу, а я быст-ро...

И пошел... «сдаваться» наркологу...

Врач помог, но человека спасли-вытащили «записи в сердце»!

Записи в сердце должны, обязательно, быть! Имена, степень близости-родства могут быть разные: папа-мама, дочь-сын, жена-муж, подруга-друг, кошка-собака, но...

Но «фамилия» у всех должна быть одна – Любовь!

Новогодняя сказка про тётеньку и дяденьку

Здравствуйтесь, мои любимые, Вечные Дети! Я расскажу Вам сказочку... да, не одну!

В бело-бизнес-каменном, самом дорогом городе мира, жил-был дяденька. Не низок, не высок, а вылитый Пьер Безухов.

«Какой такой «Пьер»? Не знаешь еще? Ну, пусть будет Гарри Поттер, надутый через волшебную соломинку.

И слыл этот самый дяденька великим алхимиком. Всё, на что он обращал свой взор, мигом превращалось в золото-деньги! А деньги эти веселыми, весенними ручьями сбегались в его чертог, под названием «Банк».

Вот в этом чертоге, над золотом, и чах дяденька все свои дни. А когда усталое солнце уплывало почивать, заезжала за алхимиком карета, запряженная в триста лошадей, и уволакивала в дремучий лес. В тот лес, где врос в землю огромный, серый замок.

И все свои вечера бродил дяденька один-одинёшенек по темным залам и только его бокал с зельем не был пустым в этом замке.

Но, ах, сколько волшебниц и колдуний мечтало побродить хозяйками по этому замку!

И, ах, сколько прелестных ведьмочек мечтало поехать чахнуть на деньги дяденьки куда-нибудь в Куршевель, или на Лазурный Берег...

Ах, ах, ах... но, увы, для своекорыстных и злых!

Дяденька был заговорен добрыми волшебниками – своими родителями. Плохо ли это, хорошо ли, но он сразу понял, что на самом деле любит очередная колдунья.

«Меня или мои деньги?»

«Деньги!» – догадывался дяденька и скрывался в чертоге, или замке, охраняемый дядькой Черномором и его тридцатью тремя «секьюрити».

Но в один из черных дней поздней, ненастной и несносной осени самая-самая настойчивая вампирша решила добиться-таки своего. Во что бы то ни стало!

Она погналась за каретой дяденьки, на крутом повороте обогнала, и лихо остановила своих коней на скаку.

Но карета дяденьки была настолько тяжела, что кучер не смог остановиться и понесло их прямо на вампирочку-дурочку...

Пусть дяденьку несет навстречу Судьбе, а Ваш сказочник пока начнет другую сказочку...

...В соседнем государстве жила-была тётенька. Не «давным, давно...», а исторически совсем недавно дяденькино царство и тётенькино государство были едины. Но собрались три колдуна в чаще-пуще, поворожили и... и просну-

лись как-то тётенька и дяденька по разные стороны пограничного столба!

Дяденька наш, он и в Африке – дяденька! Здесь ему всё это колдовство «по барабану» было, а в Африке «по тамтаму» бы стало... А на Севере бы «по бубну»... Одним словом, дяденька продолжал спокойно свои алхимические превращения, «весь покрытый „зеленью“, абсолютно весь»...

А вот тётенька трудилась помощницей лекаря. И когда случился этот навороженный «трах-бах» – лечиться больным вдруг стало не на что. И жить-быть тётеньке, соответственно, стало не на что. И родителям её, старикам, понятно, как вдруг зажилось.

И пришлось тётеньке поехать в дяденькино царство, чтобы денежек заработать. Приехала, но лекари местные брать её в помощницы не стали. Своих, сказали, хоть пруд пруди, хоть возами вози!

Но посоветовали лекари те:

– А зачем тебе, красавице писаной, с болезнями чужими маяться? Посмотри на столбы верстовые – тебя грамоты зовывают!

Посмотрела тётенька на призывы, подумала и решила: «Нет, не меня!»

И стала улицы подметать. Месяц метлой отмахала – чуть с голоду не умерла. А больные родители дома тоже чуть Богу душу не отдали без лекарств!

Так их жалко стало тётеньке, что поплакала-поплакала,

да пошла по зазывному адресу. А там, известно, встретили с распростертыми руками. Грязными и загребущими. И сразу пошла тётенька по этим рукам...

Определили её на службу около дороги столбовой. И аккурат около той, по которой дяденька наш ездил. Но дяденька не обращал внимания на таких тётъ.

А вот другие «добрые» дяди, наоборот, часто-часто останавливались и спрашивали:

– Тепло ли тебе тётя?

И грели её, и денежки даже давали.

Да вот колдовство-то, какое получалось: от тепла пылко-го дядь этих, от денежек их засаленных, не таяло сердце тётеньки, а всё каменело и каменело...

Ну, а теперь пришло время двум нашим сказочкам и сойтись.

...Не удержал кучер карету дяденькину и с тяжким грохотом и скрежетом вбилась она в вампирову!

Вмиг – обе чудо-колесницы вдрабадан, в груды и в куски!

Затих шум было, но затем сразу – бух! И – «у-у-у-у-у» – огонь занялся и понесся по разорванному металлу!

Вся дорога встала! Повозки, кареты, колесницы запрудили проезд. Люди повыскакивали, но никто не бросается спасать горящих. Смотрят, заморожено на огонь и... стоят.

Так бы и сгорел дяденька, но... Но на чудо тётенька наша

рядом оказалась! Кому огонь сердце каменное только потешил, а её сердечко растаяло от жалости. Забилося сердечко да бросило в огонь во имя спасения!

Как рвала дверь, как вытаскивала с сиденья, как тащила грузного человека от огня? Чем кровящую остановила, как заставила сердце забиться, а легкие – задышать? Спроси тётеньку – не ответит!

Только когда «Карета скорой помощи» увезла дяденьку в Центральную лекарню, только тогда вздохнула облегченно тётенька. Вздохнула, да упала тут же на землю. Сама, спасая, обгорела, да изрезалась вся, сколько крови потеряла!

Что ж и тётеньку отвезли в лекарню. Не Центральную, понятно, но тоже отвезли и мал-мало лечить принялись...

...Пролетели три месяца. Каких только заморских и местных лекарей не зазывали к страдальцу-дяденьке! Какими только магическими пасами и волшебными зельями не лечили болезного! Но...

Но не это было главным, что удержало дяденьку на Белом Свете. Все дни и ночи видел он, как наяву, лик прекрасной, доброй незнакомой тётеньки, которая плакала, но с отчаянной силой кричала:

– Не уходи, милый! Не уходи, родной!

И так искренне, и так самоотверженно, что удержало это дяденьку на Краю, невероятно захотелось ему встретить незнакомку, и он выздоровел!

Выздоровел и стал искать тётеньку. Но не было следов ни-

каких! Да, мы ж с вами знаем почему... Иммигрант без разрешительной грамоты... Вроде, есть человек – а ищи-свищи, вроде, как нет его!

Поскучнел опять дяденька, затосковал вновь, хоть вой, хоть плач.

Так и Новый Год подошел. К кому-то на крыльях радость прилетела, Праздник волшебный, самый расчудесный в году!

А у дяденьки одна радость – зелье вечером. И нет разницы, что «праздник», что тебе обычный вечер...

Так и ехал он в замок в канун Нового Года, аж, под самые «... часы двенадцать бьют...».

Ехал, смотрел по сторонам, да жалел тётъ по окраинам дороги: «Тоже страдальцы! Ни праздника им, ни дома теплого, да душевного...»

Думал так тоскливо, и вдруг как закричит:

– Стой!!!

Не успел кучер осадить лошадей, а дяденька уже бежал. Подбежал и выдохнул:

– Вы!

– Я – просто ответила тётенька. (Она это была! Наша тётенька!)

Ничего боле не сказал дяденька (а что скажешь? Тут, или сутки говорить и говорить, или...), а крепко-крепко сжал руку тётеньки, да повел в машину.

Ах, стрелой долетели до замка! Ах, как весело забегали

помощники, повара, богатыри Черномора по замку! Ах, да как не развеселишься, как не возрадуешься, если тоска зеленая ушла, а Праздник пришел!

Раз – и свет заполнил весь замок и всю округу, не оставив ни одного темного и скучного уголка!

Два – и мигом празднично обрядили-раскрасили ближнюю елочку: фруктами, конфетами, ватой, блесками и мишурой!

Три – и накрыли новогодний, богатейший стол под серебром, хрусталь и свечи!

Четыре – налили лучшее шампанское!

Пять – не сдержав радость и восторг, все прокричали то, что было в душе:

– За Новый год! За всех нас! За дяденьку и тетеньку!
За Бога!!!

А дяденька дождался, когда закончатся восторженные крики, и сказал тихо тётеньке:

– За Вас! А теперь уже и за нас двоих!

Тут и сказочке конец!

– А что в той сказке дальше было? – спросят меня.

– Было, конечно, всё было! – отвечу я. – Но началась уже не сказка, а Жизнь. Да, Жизнь прекрасная и волшебная, но это уже не сказка... Это уже лучше любой самой лучшей сказки!

И я Вам, мои Читатели, желаю в Новом году начать не выдуманную сказку, а новую, прекрасную и волшебную Жизнь!
Конец сказочке – начало Жизни новой, доброй!

«Придурок»

– Вы не волнуйтесь... Только не надо сильно волноваться... С современной медициной это уже не так страшно...

С каждой «успокаивающей» фразой врача, у Ивана, наоборот: руки дрожали всё больше и больше, и ком в горле нарастал и нарастал...

Он сглотнул и прохрипел:

– Доктор... короче... что со мной?

– Э-э-э... – замялся молодой врач. – В «Заключении обследования» всё написано...

Сквозь заслезившиеся глаза Ивана буквы выглядели огромными, нечитаемыми, но до ужаса страшными...

Вконец испуганный мужчина взмолился:

– Дорогой, не томи, не мучь! Что со мной!!!

– Ну, коли вы так настаиваете... Ну, вы не волнуйтесь... у вас... рак...

Со всех сторон налетела темнота, а стул растворился...

И очнулся больной на полу от запаха нашатыря!

Испуганный врач и медсестра подняли Ивана и усадили на стул.

– «Скорую» вызвать? – спросили у Ивана.

– Нет, не надо...

– Ну, тогда вот ваши документы: анализы, снимки, «Заключение» и направление в больницу... – быстро пробор-

мотал врач, и медсестра настойчиво проводила больного за дверь...

...Если бы посмотреть со стороны – увидели бы мужчину средних лет, который шел, размахивая руками, и вскрикивал:

– Врет, всё врет докторшика! Кирдык мне! Абзац! Все врут! И всегда мне вралии!!

Это шел по улице Иван, кричал, а между вскриками думал:

«Всю жизнь и все мне врут! Не жизнь прошла – а враньё в унитаэ сдёрнулось!»

Он вспомнил советы отца: «Не верь никому: они врут – и ты ври! Но хитро – придуривайся! Да, высоко не поднимешься, но и падать не больно!»

«Да! – продолжал думать Иван. – Так я и делал: и в институте, и на работе – мешком серым притворялся. Да, не вырос на заводе, только мастер, но всё же пережил! И враньё начальничков, которые при социализме воровали тихо, а затем уже лихо приватизировали завод! И с телеэкрана вралии-вралии и под шумок пенсию сдвинули... И до неё, это без вранья, мне не дожить... Н-Е Д-О-Ж-И-ТЬ!»

Взгляд взбудораженного Ивана зацепился за проходящую молодую девушку: «Дома, поди муж, а она перед всеми тут попой вертит! Как моя „благоверная“! Тоже врет мне всю жизнь: „Люблю!“ Кого? Меня, деревенщину? Она, умница и красавица? Не верю, и никогда не верил!»

Он вспоминал годы совместной жизни: знакомство, робкие поцелуи, совсем неожиданное «да» девушки, свадьбу обалдевшего жениха и счастливой невесты, распределение на один завод, рождение дочки, получение квартиры...

Казалось бы всё хорошо, но... Но это внутреннее его недоверие, зажатость мешало жить в полный рост. Он, как бы, со стороны смотрел на себя, на жену и думал: «Ну, когда ж ты раскроешься во вранье своём?»

И когда Света начала расти на производстве, муж мысленно произнес: «Ага! Вот ты и попалась, шлюха! С начальником цеха крутишь!»

Вскоре Светлану директор перевел из замначальника цеха в другой цех – начальницей.

А муж измыслил: «О, уже с директором закувыркалась!»

Жена подолгу засиживалась на работе, часто и в выходные работала, а он...

А он стал похаживать к соседке... так, по-соседски... так, от злости...

За раздумьями Иван добрался до... Нет, не до больницы. Сами ноги привели... домой!

Дверь открыла Светлана, взгляделась в мужа:

– Что с тобой?

Он ей не говорил, что обследуется, врал, что устал и взял отгулы...

Жена взяла из вялых рук бумаги, стала прямо в прихожей читать и выдохнула:

– Господи...

Иван увидел, как вдруг из глаз её выкатились слезинки, но жена проглотила ком и стала убежденно говорить:

– Ваня, собираемся и едем в больницу! Прямо сейчас! Ты не думай ни о чём! Всё сделаем! Машину продадим! Дачу! В Москву... за границу... Мы вылечимся, Ваня!

В машине Иван смотрел, как в первый раз, на жену, вздыхал, затем не выдержал:

– Света, короче, виноват я пред тобой... было дело... с соседкой... Но это я так, от злости на тебя... ты ж, вроде, с начальниками...

Жена резко повернула на обочину, остановила машину и долго смотрела на мужа:

– И как же тебя назвать? Не веришь единственному человеку, который тебе не врал! Я люблю только тебя! Таким, каким и видит любящая: единственным и самым близким. А этот подонок, нач. цеха, лез грязными руками... Я ему затрещину по морде, а он сволочь, со злости слухи пустил... я заявление на увольнение... директор всё расспросил и перевел меня в другой цех... А про «твою соседку» мне старушки подъездные сразу доложили... Знаешь, сколько слез моих вытекло по ночам? Эх, ты, Ваня, Ваня, как тебя после этого назвать?

Иван неожиданно заулыбался и сказал радостно:

– Эх, Светка! А так и зови, как есть – придурок! Эх, Светочка, мне и умирать сейчас не страшно! Вылезли из вранья!

Я вылез!

Светлана его обняла и прошептала:

– Выкарабкаемся вместе, мы – семья!

И они поехали в больницу...

Похороны любви

Об измене жены Николай узнал, как и положено – последним.

Утром в субботу, когда жена опять куда-то умотала, раздался телефонный звонок. Звонила женщина. Она, уточнив с кем разговаривает, прошипела:

– Ваша жена встречается с любовником!

Николай рассмеялся в трубку:

– А вы то чего за меня переживаете?

Оказалось, что она жена этого самого любовника и переживает больше за себя...

– Если ты мужчина, то должен остановить это безобразие!!! – прокричала женщина. Затем она сообщила адрес, по которому изменников можно сейчас «накрыть», и бросила трубку.

«Что за черт?» – подумал Николай.

Он никогда не допускал и мысли о том, что за Галей надо следить. Верил и любил... Или точнее: любил и верил! Но сейчас сомнения заглодали, задержали сердце!

«Съезжу, посмотрю! А вечером с Галькой вместе посмеёмся!» – решил Коля и уехал по указанному адресу.

Он пристроил машину в сторонке от нужного подъезда. Решил сначала перекурить, а уж потом сходить в квартиру. Но дверь подъезда открылась и из него вышла жена. Она по-

дождала пока выйдет высокий господин, взяла его под руку и начала весело болтать. Николай не успел ничего предпринять, как они сели в машину и укатили. Он сжал, похолодевшими руками, руль и пробормотал:

– Ну и осёл же ты, Коля! Рогатый осёл – это просто чудо природы! Ну что ж, теперь всё прояснилось.

Да, прояснилось: почему жены постоянно нет дома, почему она под любым предлогом избегает близости! Он раньше искал причину в возможной болезни или внезапной беременности жены. А она на эти вопросы только посмеивалась. И снисходительно говорила:

– У меня всё в норме, Коленька. Всё очень и очень хорошо! Ты сам не заболевай, сердешный.

Николай завел машину, и стал накатывать круги по городу, не понимая зачем, и куда едет. Опомнился он, когда во второй раз проезжал мимо вокзала. Николай остановил машину на стоянке. Вышел и вспомнил, что именно с этого вокзала он отправлялся в редкие посещения друзей.

Родственников Коля давно всех уже перехоронил. И из родных душ на этом свете у него остались только друзья детства, и была жена...

«Была жена? – подумал он: Да, теперь она для меня, как будто, умерла!»

Николай купил билет на поезд и позвонил другу:

– Сашка? Да, это я. Слушай, горе у меня! Еду к вам...

Утром его встретил друг и сразу спросил:

– Что случилось?

– Эх, Саша, жену я вчера похоронил! – ответил Николай. Друг охнул и повез к себе домой. Узнав о такой горе, прибежала с работы и жена Саши. Николай остановил поток причитаний:

– Ребята, не надо слов. Давайте просто выпьем и вспомним её!

Затем Николай ходил к своим бывшим одноклассникам. Все они хотели как — то утешить, как-то поддержать. На третий день, вечером, друзья проводили его до поезда.

В дороге Николай разговорился с попутчицей, симпатичной разведенной женщиной. Она тоже сочувствовала его горю, выпила с ним за помин души, и советовала не замыкаться.

– Давайте сходим, как-нибудь, вместе в театр! – предложила она.

Проводив утром до такси, Николай записал её номер телефона.

Он приехал домой, для того чтобы переодеться и отправиться на работу, но неожиданно встретил жену. Николай посмотрел удивленно на неё и спросил:

– А ты разве жива?

– Что? – закричала она. – Я тебя четвёртый день ищу! Все больницы и морги обзвонила! Тебя начальник обыскался! Ты, вообще, где был?

– К друзьям ездил... – пробормотал Николай и подумал:

«Как же я теперь с покойницей жить-то буду?»

«Отношения»

Человек человеку —«SMS», «GIF» и «video clip»?

Мать «глазами ела», не отходила, всё спрашивала: «Сыночек, может, ещё чего хочешь?»

Отец тоже всё рядом, подливал водочку: «Давай еще по одной! Лучшая – гарантирую!»

Аж, святились родители радостью... Еще бы: пять лет не видели, а «заскочил» -таки сын, пусть мимоходом, на вечерок!

В перерыве застолья, мужики вышли на лоджию, покушать.

– Видишь, сынок, как мать радуется! Ты бы почаще её вспоминал...

– Да, батя, я ж каждую неделю «смс», «клипы» шлю... Да и вы звоните...

– Да, мы-то звоним... А померем, «смс» отправишь: «Спите спокойно»? И «смайлик» вставишь «Мы вместе»? Шучу, шучу, не обижайся на отца-старика. А ты всё ещё один?

– Как один? У меня же Инна Сергеевна! У нас уже три года серьёзные отношения: раз в неделю встречаемся, «смс» каждый день... Что ты, что ты – ОТНОШЕНИЯ!

– «Серьёзные отношения»? А дети?

– Ну, батя, какие в наши сорок лет дети?

– Прости, а вдруг позднее уже и не сможете?

– Ой, папа, как ты устарел!!! Давно всё, что надо, мы сдали в «Центр репродукции». Соединят наше, мужское и женское, в пробирке; с «суррогатной матерью» родят – а нам отдадут уже чистенького! Ни боли, ни суеты-волнений – одни радости!

– Ой, не знаю, сын, вам жить... Да и смотрел я фильм: там уже и суррогатной не надо, а клоны, клоны, клоны... Эх, а были бы «смс» в наше время, так бы мы и «перебрасывались-соотносились» по сей день с матерью? Но тебя бы не было, точно! И не знаю, как и что вам сейчас подсказать? Всё вы уже сами решили, но...

Ты, всё ж, нам почаще звони живым голосом, сын. Она ж, мама, каждый вечер берет твоё фото... и глядит, гладит... и слезы, слезы...

Ждем, мы всегда, сынок, тебя ждем... Живого!

Последние «права»?

Получив новые «права» на управление авто, он посмотрел на срок следующей замены:

«Через десять лет... Нет, не дожить. Последние это „права“ в моей жизни!»

Затем седой мужчина сел в машину и поехал. Спокойно и не торопясь, как всегда и во всех делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.